

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «В храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «Следы богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Последняя трапеза блудницы»
- ✓ «Эликсир для Жанны д'Арк»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Ларец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ЭЛИКСИР
ДЛЯ ЖАННЫ Д'АРК



ЖИ
РЫ
АСТ
Москва

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Раздавленный своей тоскою, он упря-
мо ищет всюду ее умолкший голос,
Веря в чудо, которое окажется щедрей,
чем смерть».

(Хорхе Луис Борхес)



~ ГЛАВА 1 ~

— Бух!.. Бух!.. — ломик с тяжелым стуком вгрызался в мерзлую почву. — Бух!..

Из-под перемешанного с землей снега показался металлический люк. Несколько ударов, и его удалось от-крыть. В другой раз такой люк пришлось бы долбить целый час.

Порой у человека появляется сила, способная горы свернуть. А порой он не может пошевелить и пальцем. Жаль, что нельзя вызывать эту силу по желанию. Она приходит или не приходит, подчиняясь не земным законам, рассчитанным и предсказанным, а неким загадочным *обстоятельствам*, необъяснимым с точки зрения логики и ума.

В самом деле, какая логика была в том, чтобы два юных создания, которым жить бы да жить, вдруг оказались здесь, в пустынном заброшенном месте, ожидая, пока им выкопают могилу? Они были мертвы и лежали на снегу, словно две неподвижные куклы, залитые лунным светом.

Тот, кто копал могилу, не смотрел на них. Он был поглощен своей работой. Он торопился. Времени у него было совсем мало. Минуты истекали с пугающей быстротой.

«Давай, пошевеливайся! — командовал кто-то внутри него. — У тебя осталось меньше полчаса! Тебе пора смазываться!»

Он заглянул в черное подземелье, откуда пахло сыростью и плесенью. Вниз вели ржавые железные ступени. Луна не проникала в разверстую дыру, и человек направил туда луч фонаря. Лестница была засыпана мусором. Откуда он тут взялся?

«Не о том думаешь, — отозвался злой невидимка. — Отвлекаешься! Напрасно тратишь драгоценные мгновения!»

— Твоя правда, — пробормотал человек и осторожно спустился вниз, светя себе фонарем. — В крайнем случае оставлю их здесь. Просто сброшу в люк, и все.

«Слишком легко, — возразил невидимка. — Неинтересно. Какой у них будет вид, когда их обнаружат? Ужасный! Закопай их, как собирался. Не ленись!»

Человеку стало не по себе. Зато невидимка наслаждался происходящим. Ему все нравилось: и ледяной холод наверху, и затхлый воздух подземелья, и мертвые тела, и страх сообщника, и дыхание смерти, которое явственно ощущалось в этом мрачном месте.

«Смерть притягивает смерть! — ликовал он. — Чувствуешь ее дыхание, мой друг?.. Ощущаешь ее сладостную неотвратимость?.. Она уже здесь!.. Ждет!.. Не обмани ее ожиданий!»

Человек выбрался наверх и взвалил на плечо мертвую девушку. Ее рука с глухим стуком ударялась о ступеньки, когда он спускался. Он положил тело на грязный пол и поднялся за вторым трупом.

Обе девушки лежали на полу, как живые. Поразительно, что именно так говорят об умерших, которых еще не тронуло тление.

— *Как живые!* — пробормотал тот, кто привез их сюда, и принялся копать могилу.

Жизни свойственна текучесть, незаконченность. Смерть же — это конец. Кто посягнет на это ее неотъемлемое право, будет сурово наказан. Так было всегда... и так будет. Безумцев, рискнувших бросить ей вызов, ждет неминуемая расплата...

* * *

Москва. Год спустя.

Начальник охраны раз за разом откладывал разговор с боссом. Понимал: после этого одному из них придется уйти. И вряд ли это будет глава компании.

Сегодня он наконец решился.

Колбин сидел у себя в кабинете и перебирал бумажки. Его яйцеобразный череп блестел в свете лампы.

— Чего тебе? — недовольно поднял он голову и поправил очки. — Не видишь, я занят?

Лавров давно готовился к подобной беседе. Рано или поздно тот из них, у кого первого лопнет терпение, поставит точку в напряженных отношениях. Скрытое соперничество между начальником охраны и его боссом накаляло обстановку в офисе и вредило работе. До сих пор оба мирились с положением вещей. Теперь кое-что изменилось.

— Ты хотел меня убить, — с наслаждением произнес Лавров, нарушая не только правила вежливости, но и служебную субординацию. — Ублюдок! Думаешь, я ничего не успел заметить в темноте? То была твоя машина, козел!

Обычно бесцветное лицо Колбина пошло красными пятнами. Он пошевелил губами, не издав ни звука.

— Помнишь, по дороге в Черный Лог ты попытался меня сбить¹? — продолжал начальник охраны. — Не вышло.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Джоконда и Паец».

— Ты... в своем уме? — выдавил Колбин. Его маленькие глазки за стеклами очков испуганно сверкнули. А ну, как этот псих накинется на него с кулаками да, пожалуй, отдубасит? С него станется.

— Возомнил, что Глория выйдет за тебя замуж?

— Вон... отсюда...

Колбин собрался было позвать охрану, но сообразил, что главный охранник стоит перед ним и его визит не предвещает ничего хорошего.

— Я больше не твой подчиненный, — улыбнулся Лавров, без приглашения усаживаясь на стул и забрасывая ногу на ногу. — И не обязан выполнять твои указания.

— Хам! — пискнул хозяин кабинета, ощущая предательскую дрожь в поджилках.

— А ты — убийца, преступник.

— Если бы я... хотел тебя убить... ты бы уже был мертв, — с трудом вымолвил Колбин.

— Ха! Как бы не так! У тебя кишка тонка.

— Это мы... еще поглядим, — процедил босс, собираясь с духом.

— Ну, погляди.

Лавров сделал характерный жест, запуская руку под пиджак, словно вот-вот выхватит оружие и в припадке агрессии разрядит всю обойму в ненавистного соперника.

Колбин помертвел и застыл в своем кресле восковой фигурой.

— Что, струхнул? — захохотал начальник охраны. — Смотри, не обделайся.

Ему показалось, босса хватит удар. Тот дернулся, судорожно сглотнул, но, увидев, что нападения не последовало, нашел в себе силы погрозить наглецу пальцем.

— Ты уволен! И не надейся, что Глория тебя защитит. Хоть она и совладелица компании, но решения тут принимаю я.

— Не рассчитывай на ее взаимность! — отрубил Лавров. — Зачем молодой красивой женщине такой плешивый пузатый урод?

Колбин, который не отличался внешней привлекательностью, задохнулся от обиды и не сразу парировал его выпад.

— Го... голодранец! — обретя дар речи, взвизгнул он. — Голь перекатная, вот ты кто! У тебя ни мозгов, ни денег! Нынче мужик с пустыми карманами никому не нужен.

— Карманы — не главный аргумент в любви.

— Ах ты, герой-любовник! — вышел из себя босс. — Жиголо чертов! Иди, ищи себе работу мальчишка по взыску! Там тебе самое место. Убирайся!

— Петух бесхвостый, — презрительно фыркнул Лавров. — Сколько раз Глория давала тебе от ворот поворот? Ее тошнит от твоей кислой рожи!

— Жаль, что я не прикончил тебя тогда на шоссе, — не выдержал Колбин. — В тот раз тебе повезло. Успел отскочить.

— Таким, как я, всегда везет.

— Сколько веревочке не виться...

— Заткнись! — вспыхнул начальник охраны. — Не то я за себя не ручаюсь! Ты меня не уволишь, потому что я сам уйду. Вот!

Он достал из кармана заготовленное заранее заявление об уходе и со стуком положил на стол перед боссом.

Колбин вдруг осмелел, у него открылось второе дыхание. Радость, что наконец-то он избавится от Лаврова, открыла его.

— Тем лучше, — ухмыльнулся он. — Ты поступил правильно, Рома. Служебные обязанности давно тяготили тебя. Займешься теперь своим любимым делом — будешь флиртовать с женщинами и соблазнять их. Ни на что иное ты не способен.

— Полагаешь, я развязал тебе руки? Не рассчитывай жениться на Глории. Она не для тебя.

— Разберемся.

— Зря ты слюни распустил, Петя. Этот лакомый кусочек тебе не достанется.

— Время покажет.

Уже бывший начальник охраны встал, бросил на Колбина уничижительный взгляд, развернулся и направился к двери.

— Никто и ничто не заставит меня взять тебя обратно, придурок! — крикнул тот ему в спину.

Лавров вышел из кабинета уже не сотрудником компании «Голицына и партнеры», а свободным человеком. Это новое для него ощущение вызвало эйфорический подъем, который быстро сменился замешательством.

Должен ли он съездить в Черный Лог и доложить Глории о своем нынешнем статусе? Хоть она и обещала в случае увольнения взять его к себе помощником, Романа такая перспектива пугала. Одно дело просто оказывать Глории услуги и выполнять ее поручения, другое — перейти в непосредственное подчинение к ней и заниматься только частным сыском. Причем сыск этот будет весьма специфического свойства, на грани некоего шаманства.

Лавров без сожаления сплюнул в сторону офиса, который покинул, и пересек засыпанную снегом стоянку, где его ждал черный «Фольксваген-туарег», приобретенный Глорией лично для его нужд. Чтобы он не пользовался служебным внедорожником, но в то же время был всегда на колесах. Теперь ему нужно было определиться с машиной.

— Ну что, друг? — похлопал он автомобиль по капоту. — Будем прощаться?

«Машину можешь оставить себе, — прозвучало у него в ушах. — Это мой подарок. На память о наших совместных приключениях!»

— Опять ты выдаешь желаемое за действительное, Рома, — буркнул он себе под нос и уселся за руль. — Ты неисправимый фантазер.



~ ГЛАВА 2 ~

Подмосковье, деревня Черный Лог.

— Машину можешь оставить себе, — сказала Глория и взмахнула ресницами. — Это мой подарок.

— На память о наших приключениях? — улыбнулся Лавров, переживая *дежавю*. — Где-то я уже слышал эти слова.

— Ты все-таки подумай насчет моего предложения. У нас с тобой неплохо получалось распутывать клубки.

— Я подумаю, — пообещал он. — Но сейчас мне необходим отдых.

Глория принимала его в каминном зале, где со стен смотрели с портретов незнакомые мужчины и женщины. Впрочем, одного из них Лавров мог назвать по имени. Это был граф Сен-Жермен, авантюрист, алхимик, предсказатель и тайный агент французской короны.

Хозяйка перехватила его взгляд и усмехнулась.

— Хочешь, мы научим тебя выигрывать в казино?

— Кто «мы»? Ты и граф?

— Когда-то именно он раскрыл моей дальней родственнице секрет трех карт.

— Тройка, семерка, туз? Нет уж, спасибо, — покачал головой Лавров. — Я читал «Пиковую даму» и помню, чем все закончилось. Судьба Германна меня не прельщает.

— Он взял грех на душу, потому и погиб.

— Я хочу покоя, — отмахнулся гость. — Уеду куда-нибудь в глушь, буду рыбачить, охотиться, собирать грибы в лесу.

— Оставайся у меня. Лес рядом, речка кишит рыбой, грибов осенью хоть косой коси.

— Вынужден отказаться, — вздохнул Роман. — Хочу побыть один, подумать обо всем, успокоиться. Мне надоели людские дразги и суета. Денег на жизнь пока хватит, а потом что-нибудь подвернется.

— Что?

— Заработок. Я найду, чем заняться.

— Как знаешь, — легко согласилась Глория. — Поезжай. В одиночестве есть своя прелесть.

Эта легкость насторожила бывшего начальника охраны. Он слишком хорошо изучил хозяйку, чтобы поверить в ее отступление.

— Куда ты решил направиться? — спросила она.

— Приятель к себе зовет, — неохотно ответил Лавров. — В пансионат на реке Протве. Заповедные места, воздух чудесный, лес, зимняя рыбалка, лыжная трасса. Как раз для меня. Покатаюсь, подышу, развеюсь. Выброшу из головы все лишнее.

Он переживал душевный кризис, причины которого лежали в неопределенности его отношений с Глорией.

«Гусь лебедю не пара», — нашептывал ему внутренний голос. В принципе Лавров был того же мнения. Но сердцу не прикажешь. Его влекло к этой странной и загадочной женщине. Быть рядом с ней оказалось испытанием, которое он не выдержал.

«Ты провалил экзамен, Рома, — нещадно критиковал он себя. — Совершил ошибку, которой нет оправдания. Думал, клин клином вышибают? Только не в твоём случае, брат. Ты проиграл. И должен уйти с дороги. Уехать подальше от Глории, чтобы забыть ее, остудить свой пыл

и научиться холодному благоразумию. Она не для тебя, парень. Смирись и не выставляй себя на посмешище!»

Приглашение погостить в подмосковном пансионате «Лель» пришлось как нельзя кстати.

Славик Орешкин, бывший сотрудник охрannого агентства, с которым Лавров раньше работал, устроился туда по протекции своего дядюшки. После испытательного срока его взяли в штат, а через год повысили до администратора.

«Головокружительная карьера, — смеялся Орешкин. — Если серьезно, должность не ахти, зато платят сносно. Не то что в агентстве. Машину взял в кредит. В общем, жизнь бьет ключом».

«А мне похвастаться нечем, — признался Роман. — Полный абзац. И на личном фронте, и на работе».

«Ты ж вроде в солидной фирме трудился, начальником».

«Был начальником, стал безработным. С боссом характерами не сошлись. Достал он меня».

«Бывает, — посочувствовал Славик. — Помнишь, как я из агентства уходил? Со скандалом. А теперь даже рад, что так получилось. И ты забей! Все образуется, Рома. Где наша не пропадала?»

Поболтали о том, о сем. Орешкин обмолвился, что в пансионате иногда отдыхают «большие шишки», любители отечественной природы и традиционных развлечений — парной бани, исконно русской кухни, подледного лова и охоты.

«Приезжай, сведу тебя с нужными людьми, — пообещал Славик. — Хорошие сотрудники на дороге не валяются. А ты один из лучших. Я буду твоим поручителем».

Лавров поблагодарил и... отказался. Опять под кого-то подстраиваться, кому-то угождать, перед кем-то отчитываться? С него хватит. Он этого «добра» наелся досыта. С души воротит.

«Я уж как-нибудь сам о себе позабочусь. Отдохну, соберусь с мыслями. Может, частную деятельность оформлю. Не знаю пока».

«Тебе виднее, — не стал его уговаривать бывший коллега. — Погостишь у нас, отдышишься после Москвы. Я тебя в баньке попарю, березовым веничком! Вся хандра пройдет. Природа лечит. Я тебе номерок забронирую, со скидкой. Ну, как?»

Лавров медлил с ответом. Предложение заманчивое, но по карману ли ему такой отдых?

Орешкин уловил колебания товарища.

«Если в пансионате дорого, я тебя в частном секторе устрою. Рядышком, в Верее. Городок тихий, одни церквушки и лес кругом. Тишина, снег, дым из труб, сосны. Соглашайся. Ей-богу, не пожалеешь».

И Лавров согласился. Лучше уехать от Глории, забыть о ней, выжечь свою страсть каленым железом.

— О чем задумался? — спросила она.

Он опомнился, поднял глаза. Пауза затянулась. Глория понимающе кивнула, как будто предвидела ответ.

— Тебе нужно сменить обстановку, — сказала она. — Отстраниться от ситуации. Иногда это необходимо. Когда ты едешь?

— Завтра.

— Не отключай телефон.

Эта ее фраза давала Лаврову зыбкую, но все же надежду. Они не расстанутся навсегда. У них еще есть шанс все исправить.

— Я буду на связи, — вымученно улыбнулся он.

* * *

Подмосковье, поместье «Дубрава»

День-день, дилинь!.. День-день-день!..

Из-за обсыпанных снегом сосен вынырнули сани, запряженные тройкой лошадей. Под дугой, убранной атласными лентами, звенел колокольчик.

Правил тройкой молодой мужчина в дубленке и меховой шапке-ушанке.

— Эй, залетные! — задорно крикнул он, подхлестывая холеных упитанных рысаков. — Веселей!

Женщина в санях испуганно ойкнула и вцепилась в медвежью доху, которая укрывала ее ноги.

— Не гони, Сережа! — попросила она лихого кучера. — Я боюсь.

— Прокатимся до ельника и назад, — обернулся к ней мужчина, открывая в улыбке ряд белых зубов. Его брови и короткие усики покрывал иней. Уши шапки развевались на ветру. — Держись, милая!.. Э-ге-гей!..

Ему доставляла удовольствие быстрая езда, трескучий морозец, вековой лес по обеим сторонам дороги и бьющие в лицо колкие снежинки.

— Мне холодно! — жаловалась ему в спину жена. — Я домой хочу!

Кучер не обращал внимания и гнал лошадей. Полозья визжали, тройка птицей летела между деревьев, с которых местами осыпались белые веера снега. Женщина чуть ли не с головой залезла под доху. После поворота она высунулась из-под медвежьей шубы и крикнула:

— Останови!

— Зачем?

— Останови, прошу.

— Тпррру-ууу!.. — мужчина нехотя осадил тройку, недовольно спросил: — Что случилось, Катрин? Тебе плохо?

Она привстала и огляделась по сторонам. Вокруг, утопая в снегу, шумели старые ели. Все было белым и сверкающим. Нигде никаких следов, кроме выпотрошенных шишек под деревьями и отпечатков крохотных трехпалых лапок.

— Остатки птичьего пиршества, — произнес возница. — Ты хочешь пройтись?

— Раз уж мы здесь, покажи мне *то место*, — попросила его жена, спрыгивая с саней.

— Не надо, Катрин...

— Нет, надо, надо, — капризно протянула она. — Я хочу взглянуть, где это случилось.

— Не сейчас. Всюду глубокий снег, разве не видишь?

Молодая женщина с болезненным любопытством вглядывалась в чащу.

— Где она лежала? Вон там?

— Кажется, да, — кивнул супруг. — У поваленного ствола.

— Как ты ее нашел?

— Проезжал мимо. Обкатывал сани и заметил что-то темное на снегу. Подошел и...

— Она выглядела ужасно? — перебила Катрин. — Что она делала в лесу? Кто мог ее убить? Машины тут не ездят, деревня далеко.

— Не так уж далеко, — возразил он. — Местные жители иногда ходят этой дорогой.

Женщина куталась в шарф и вздрагивала то ли от холода, то ли от страха.

— Я бы не пошла, — сказала она, сделала несколько шагов к лесу и провалилась в сугроб. — Тут полно снега.

— Девушка, видимо, шла по дороге, — объяснил возница. — А в лес ее притащили, чтобы спрятать тело.

— Плохо спрятали, раз ты заметил.

— Кто-то спугнул убийцу. Он убежал, а труп остался лежать.

— Может, это ты его спугнул? Слава богу, ты жив. Он мог и тебя убить.

— У меня было с собой ружье.

Лошади фыркали и нетерпеливо били копытами. Тени на снегу потемнели.

— Начинает смеркаться, — сказал мужчина, поправляя шапку. — Поехали, Катрин. Все равно ничего не разглядишь. Метель уничтожила следы.

Жена послушно уселась в сани и укрылась дохой. Больше она ни слова не проронила, думая о чем-то своем.

Сделав круг, сани подкатили к большому каменному дому в два этажа, с террасой и просторным крыльцом. Кучер спрыгнул с облучка, передал лошадей конюху и помог жене выбраться из саней.

Конюх погладил коренного по гриве, одобрительно хмыкнул и взглянул на хозяина:

— Как он себя показал?

— Отлично. Правда, милая?

Женщина кисло улыbnулась и промолчала. С некоторых пор поведение мужа вызывало у нее смутные опасения. Казалось, он вывезет ее в лес, откуда ей уже живой не вернуться. Откуда в ее прелестной головке поселились такие черные мысли, она не могла бы толком объяснить. Но — поселились.

Прошлой зимой в соседней деревне пропали две девушки, нынешней — еще одна, приезжая. Ее тело обнаружил Сергей, обкатывая сани.

От лошадей валил пар. Конюх взобрался на место кучера и повернул тройку к конюшне.

Сергей Прозорин, хозяин поместья, расположенного на нескольких гектарах земли, обожал лошадей. Пару лет назад он решил завести собственный выезд для прогулок по лесу. Забава не из дешевых, но зачем же тогда деньги, если не потакать своим прихотям?

Жена восприняла его идею с восторгом, который, впрочем, скоро сменился разочарованием. Муж подолгу пропадал на конюшне, помогал конюху возиться с животными, самозабвенно учился верховой езде и уделял лошадям больше времени, чем семейному бизнесу и любимой женщине.

Прозорины были богаты. Катерина, которую муж на французский манер называл Катрин, привыкла к вниманию, которым окружил ее сначала отец, потом супруг. Наметившееся охлаждение между нею и Сергеем огорчало ее. Не было достаточно причин обвинять мужа в равнодушии, но прежняя его пылкость и нежная предупредительность явно поубавились. Может, так и должно быть.

Прозорины поженились совсем юными. Катерине едва исполнилось восемнадцать, когда по настоянию отца она отправилась под венец. Жениху было двадцать, они с невестой познакомились за месяц до свадьбы. О чувствах между ними речь не шла. Дед Сергея и отец Кати заключили своего рода сделку, объединив два средних по российским меркам капитала в одних руках: по сути, в одной семье.

Это был тот редкий случай, когда брак по расчету стал браком по любви. Сергей и Катя сразу понравились друг другу, а совместная жизнь пробудила в них взаимное чувство. Они были молоды, хороши собой и легко нашли общий язык. Первый год оказался для них медовым. Оба учились в одном университете, вместе прогуливали, вместе готовились к экзаменам, а вечера проводили в молодежных клубах, танцуя до упаду. Летом отправились в путешествие, где жадно ловили впечатления и познавали мир. Они не ощущали себя мужем и женой, а были парнем и девушкой, которые переживали романтическую пору влюбленности.

Скоро студенчество начало тяготить их. Прозорины все чаще отлынивали от учебы, ища себе иные занятия. Сергей пропадал в тренажерных залах, пробовал разные виды спорта. Бизнес его не привлекал, и он не выказывал ни малейшего желания приумножить заработанное его дедом и тестем.

«Ничего, — утешал себя последний. — Молодо-зелено. Авось, зятек образумится, потянется к делам. Не век же ему баклуши бить. Соскучится по настоящему мужскому занятию. Я ему вместо отца буду, научу всему, что сам умею. Он ведь сирота. Его дед вырастил, душу в него вложил. Жаль, старик приказал долго жить. Хороший был человек, успешный коммерсант и честный партнер».

После кончины Акима Прозорина бразды правления семейной корпорацией перешли в руки тестя. Сергей не возражал. Даже обрадовался. Его жена Катя была единственной дочерью Бориса Туровского. Так что опасаться дробления капитала не приходилось.

Сергей получил от деда приличное наследство и мог жить на ренту. Тесть предложил ему попробовать себя в качестве генерального директора фирмы, но молодой человек отказался. Торчать с утра до вечера в офисе, возиться с бумагами и управлять армией клерков сложно и утомительно.

Катрин посвящала свое время болтовне с подружками, шопингу и салонам красоты. Она не обладала острым

умом и во всем полагалась на отца. Однако, выйдя замуж за Прозорина, искренне привязалась к нему и встала на его сторону. Ей хотелось, чтобы молодой супруг был рядом с ней, а не днями напролет пропадал в офисе.

«Разве ты сам не справишься? — укоряла она отца. — До сих пор ты обходился без помощника».

«И дальше обойдусь, — добродушно соглашался Туровский. — Но когда-нибудь семейный капитал перейдет в руки Сергея. Он должен правильно распорядиться вашими деньгами».

Глаза дочери наполнились слезами, и Туровский смягчился.

«До этого еще далеко, — успокоил он Катеньку, привлекая ее в свои надежные объятия. — Поживите пока беззаботно. Ты права, муж должен быть рядом с женой. Вот мы с твоей матерью прожили, как в угаре. Вспомнить толком нечего. Я вечно на работе, она дома. У нее свои заботы, у меня — свои. Встречались только ночью, в постели. Не успели оглянуться, уже старость подкатила. Я ради твоего счастья старался, вкалывал, как каторжник! Чтобы тебя обеспечить. Теперь ты ни в чем нуждаться не будешь».

«Спасибо, па, — вздохнула дочь. — Ты у меня самый лучший!»

«Ты хоть любишь своего Сергея?» — неожиданно спросил он.

«Очень люблю», — призналась она.

«Вот и славно. Мы с покойным Акимом когда задумали вас поженить, молились, чтобы вы друг другу по сердцу прились. Старик своего внука на все лады расхваливал, да я и сам не слепой. Видел, что парень всем вышел — и красив, и умен. Кто ж знал, что жилки в нем деловой нету? Ничего, и это как-нибудь образуется».

Поразмыслив, Туровский настоял на переезде молодых в «Дубраву». Оторвавшись от суетного времяпрепровождения, веселой компании и клубных тусовок, авось, зять возьмется за ум.

Теперь Прозорины занимались хозяйством, обустроили свое гнездо и предавались супружеской любви, в ко-

торой появился оттенок обязанности. Муж и жена оказались один на один друг с другом, с утра до вечера лицом к лицу, бок о бок. «Тереться локтями», будучи предоставленными самим себе, было для них внове.

Тут-то и проявились их разные склонности. Сергей перевез в «Дубраву» дедову библиотеку и поначалу сутками просиживал на втором этаже, просматривая обширный архив покойного и разбирая книги, среди которых попадались редкостные антикварные издания.

Катя тенью бродила по комнатам, изнывая от скуки и недоумевая, откуда в ее муже взялась такая страсть к чтению.

Ему не удалось приобщить жену ни к спорту, ни к верховой езде, ни к чтению пыльных фолиантов, ни к научным опытам, которыми он вдруг увлекся. К охоте она тоже оставалась равнодушной. Сплетничать с подружками по телефону ей надоело: общих тем для болтовни становилось все меньше. Городская жизнь казалась утерянной навсегда. Сергей, который подчинился воле тестя, ни о чем не жалел. Уединенный быт в «Дубраве» был ему по вкусу. Он и слышать не желал о возвращении в Москву. А Катрин слишком любила его, чтобы разъехаться...



~ ГЛАВА 3 ~

Лавров проехал Верею с ее церквями и разбросанными в снегу домами и свернул направо. Указатель сообщил ему, что до пансионата «Лель» осталось двадцать километров.

Дорога была почищенная, но узкая. По бокам громоздились сугробы. Двум машинам не разминуться.

«Как они тут ездят?» — удивился бывший начальник охраны.

Холмы поросли лесом. Сыпал мелкий снежок. Проселок петлял, и перед каждым поворотом приходилось сбавлять скорость. Вдруг вылетит на своей крутой тачке какой-нибудь отдыхающий под кайфом? Мало не покажется.

За очередным поворотом Лаврова поджидал сюрприз. Посреди дороги стоял белый джип «ниссан».

Роман выругался, притормозил и вышел из машины. «Ниссан» продолжал стоять, как стоял.

— Что-то случилось? — крикнул он.

Ему не ответили. Он приблизился и увидел, что водитель «ниссана» — женщина. Она сидела за рулем и не собиралась освобождать дорогу.

Лавров наклонился и постучал костяшками пальцев по тонированному стеклу.

— Эй! Милая дама! Что с вами?

Женщина молчала.

— Мне ехать надо, — повысил он голос. — А вам?

Дама повернула голову. Сквозь стекло ее лицо казалось белым, словно луна. Она была молода и красива. Может, пьяна? Или травки накурилась?

— Я могу чем-нибудь помочь? — предложил он. — Откройте дверцу. Или хотя бы опустите стекло.

Барышня испуганно оглянулась, как бы ища поддержки. Но в салоне никого не было, кроме нее. Белая лента дороги тоже была пустынна. Видимо, тут не так часто ездят.

— Так и будем стоять? — начал сердиться он. — Холодно, между прочим. Мороз. И вообще, я спешу.

Женщина-водитель решила и робко приоткрыла окно. На вид ей было лет двадцать пять. Короткие каштановые локоны с рыжим отливом вились вдоль щек и беспорядочно падали на лоб. Точеный носик, маленькие пухлые губы, тронутые помадой, карие глаза под тонкими дугами бровей — все выдавало в ней породу женщин, рожденных для восхищения. Странная бледность покрывала ее лицо.

— Вы кто? — настороженно спросила она. — Куда вы едете?

— В пансионат. Хочу повидаться с другом. Говорят, тут можно весело провести время.

— А-а, — недоверчиво протянула барышня. — Я тоже еду в пансионат.

— Что у вас случилось?

— Машина заглохла. Я не понимаю, в чем дело. Звонила отцу, но связи нет. Местами тут сотовый не берет. Это как раз такое место.

— Давайте я посмотрю, что с вашим «ниссаном». Откройте дверцу.

— Нет! — отчего-то испугалась она. — Не надо. Я буду ждать.

— Чего? Думаете, связь появится? По щучьему велению?

— Нет, — упрямо повторила она.

«Истеричка, — мысленно констатировал Лавров. — Капризная и вздорная бабенка, избалованная богатым папиком. Хоть и не блондинка, но мозгов явно не хвата-

ет, чтобы сообразить — на этом проселке можно проторчать до второго пришествия».

— За вами должны приехать? — скептически осведомился он.

— Не знаю...

— Послушайте, так нельзя. Если хотите стоять посреди дороги, то у меня другие планы.

— А я при чем?

— Мы не разминемся.

— Вы уж постарайтесь, — сказала она. — Ваша машина позволяет.

Он прикинул, что, если взять вправо и захватить подножие сугроба, пожалуй, «туарег» протиснется. Рискованный маневр, но попытаться можно.

— Ладно, — буркнул он. — Попробую.

Остаться женщине одной на пустынном проселке было по меньшей мере неразумно. Вероятно, у нее есть на то причина. Интересно, какая? Владелица «ниссана» не казалась обкуренной, и спиртным от нее не пахло. Он уловил только слабый аромат фиалковых духов.

— Подождите! — опомнилась она. — Вернитесь, пожалуйста.

Лавров повернул обратно. Барышня ждала его с напряженным и бледным лицом. Спросила:

— Сколько проработает печка?

— Недолго. Аккумулятор быстро сядет. А за бортом пятнадцать градусов, между прочим. Вы замерзнете.

— Что же мне делать?

— Если я проеду, могу подвезти вас до пансионата, — предложил Лавров. — Вы ведь туда направляетесь?

— Да.

— Тогда нет проблем.

— Есть! — возразила женщина. — Я... не доверяю вам.

— Это еще почему? — изумился он. — У меня неблагонадежный вид? Я похож на бандита?

— Нет, но...

— Как хотите, — пожал он плечами. — Я не навязываюсь.

— Понимаете... откуда мне знать, что вы... не маньяк? Лавров рассмеялся, настолько наивно и глупо прозвучали ее слова.

— У вас тут что, маньяк на маньяке?

— Я боюсь. Я вижу вас первый раз.

— Я вас тоже. Однако это не дает мне основания подозревать вас черт знает в чем.

— Мне страшно! — заявила она.

— Тогда оставайтесь и замерзайте.

Барышня нервно облизнула губы и отважилась открыть дверцу.

— Посмотрите, что с моей машиной, — жалобно произнесла она. — Только сначала я отойду подальше.

— Как хотите, — кивнул Лавров.

Она, пятясь, отошла на несколько метров и стояла, держа в руках сумочку и притопывая ногами в меховых сапожках. Ее пятнистая шубка из рыси стояла уйму бабок, на пальцах сверкали дорогие кольца. Как бывший опер, Роман не понимал, зачем так одеваться в дорогу, вводить в соблазн людей с дурными намерениями. Ей бы стоило опасаться скорее грабителя, чем маньяка.

Он сел за руль «ниссана» и включил зажигание. Работает, но двигатель не заводится. Лавров посмотрел на датчик бензина. Топлива вдоволь. Он вышел и открыл капот. Проверил все, что следовало.

— Думаю, предохранители полетели, — заключил он и повернулся к хозяйке. — Нужно менять.

— Меняйте, — согласилась она.

— Я не автосервис. Закрывайте машину и поехали в пансионат, там разберемся.

Женщина продолжала топтаться на дороге. Она повесила сумочку на локоть, сунула руки в карманы, подняла воротник. Голова ее была непокрытой, и снег падал на волосы серебряными блестками.

— Да не бойтесь вы! — усмехнулся Лавров. — Не стану я вас убивать. У меня сегодня выходной.

Шутка получилась мрачная. Барышня стучала зубами не только от холода, но, кажется, и от страха.

— Простите, — мягко произнес Роман, проникаясь к ней сочувствием. — У меня черный юмор. Я не причиню вам зла. Клянусь! Хотите, побожусь?

— Нет.

— Тогда доверьтесь судьбе. Считайте, что она послала вам ангела-хранителя.

Должно быть, он сумел расположить ее к себе, потому что барышня нерешительно двинулась вперед.

Лавров уселся в свою машину и распахнул для дамы правую дверцу.

— Прошу!

Она скользнула на сиденье, обдав водителя запахом фиалок, и бросила на него косой взгляд из-под ресниц. Снежинки на ее волосах начали таять.

— Я вас не трону, — как можно убедительнее произнес Лавров. — Я не маньяк. Успокойтесь и не дрожите.

Пассажирка молчала, кусая губы и глядя прямо перед собой. Он аккуратно, стараясь не задеть «ниссан», попытался проехать. Получилось со второго раза.

— Вы не ас, — тряхнула мокрыми кудрями барышня.

— Не хватало мне для полного счастья повредить ваш внедорожник, — огрызнулся Роман. — И потом оплачивать ремонт. Отличное начало отпуска! Надеюсь, продолжение меня не разочарует.

— Вы в отпуске?

— Можно сказать и так...

* * *

Поместье «Дубрава» — деревня Веселки

— Ты кого мне оседлал? — рассердился Прозорин. — Эту ленивую кобылку?

— Вы сами просили смирную, — оправдывался конюх.

— Я для жены просил. А она отказалась кататься. Не по нраву ей лошади.

— Ваша супруга железного коня предпочитает.

— Ты прав, — кивнул Прозорин, поглаживая кобылу. — Ладно, пожалуй, прокачусь на ней.

— Холодно, — поежился конюх. — Мороз крепчает.

— Я не надолго, туда и обратно.

Его тянуло на дедову дачу, где он мальчишкой проводил школьные каникулы. Деревянный дом, похожий на терем с резными ставнями, остроконечной крышей и высоким крыльцом, был местом, где покойный Аким Иванович любил «отдыхать от мира», как он выражался. Фасад Терема выходил на реку, а задняя сторона упиралась в молодой сосновый лес. Живописный пейзаж открывался из любого окна, теша глаз и душу.

Сергей привязался к дому, который напоминал ему безмятежную пору детства. Родители его погибли, когда ему не исполнилось и пяти лет. Дед заменил ему мать и отца. Дом в Веселках остался внуку в наследство вместе с «Дубравой» и пробуждал в нем ностальгическую тоску по прошлому.

Катя побывала на даче всего раз, и ей там не понравилось. Слишком высокий обрыв над Протвой вызывал у нее страх; в лесу стоял сумрак, и она вообразила, что оттуда тянет сыростью. На самом деле сыростью тянуло с реки, и то в дождливое время года.

Словом, с тех пор Сергей навещался в родные пенаты один. Проветривал дом, протапливал, иногда оставался на ночь. Только в Тереме ему снились волшебные сны, которые нигде больше не повторялись.

В отсутствие хозяев за домом присматривала сельская учительница на пенсии. Ее нанял дед, а Сергей продолжил традицию и даже прибавил сторожике зарплату. Дом без человеческого ухода быстро ветшает и теряет жилой вид.

Кобылка доставила Прозорина на бывшую дедову дачу за сорок минут. Он соскочил в снег, привязал лошадь к почернелому столбу у ворот и тяжело вздохнул. Здесь протекли самые счастливые мгновения его жизни, просочились сквозь пальцы, ушли в песок. Унесла их река далеко, прочь от этого благословенного и проклятого места. Туда, где небо смыкается с кромкой леса и загорается вечерняя заря.

— Смогу ли я все вернуть? — прошептал Сергей в холодном отчаянии. — Смогу ли?

Кому он задавал этот горький вопрос? Бог весть.

Прозорин постоял у ворот, створки которых были раскрыты, словно ладони, готовые принять его в свои объятия. В глазах кипели слезы. Он сморгнул их, ступил во двор и поднял голову на то, что осталось от Терема.

Январские метели замели фундамент бывшего дома. Кое-где торчали из-под белого савана обугленные бревна сруба. Крыши не было, она выгорела полностью. Две кирпичные трубы от камина и печки покрылись инеем.

Пожар уничтожил дом три года назад, сухим и жарким июльским днем. Соседи не сразу заметили зарево на обрыве, а когда прибежали, тушить уже было нечего. Сторожихе повезло. Тем летом она расхворалась, и за домом приглядывал сам Сергей. Наездами, с редкими ночевками.

Он подошел поближе к обгорелому срубам. Снегу намело по пояс. Не пробраться. Словно зима оберегала пепелище от чужого вторжения.

— Прости меня, — вымолвил Прозорин в морозную тишину, нарушаемую лишь шумом сосен и криками галок, рассеявшихся на заборе.

Казалось, дед сурово качает головой, оглаживает седую бороду, шурился. Осуждает внука. Дескать, не уберег ты, Сергуня, мою вотчину, не доглядел наше родовое гнездо.

— Прости, дед, — потупился тот. — Я обязательно все исправлю. Я восстановлю наш Терем. Сделаю его краше прежнего. Погоди немного. Мне сейчас надо главное дело сделать. А потом и до Терема дойдет.

— Каррр!.. Каррр-р!... — презрительно отозвались галки. — Кар-р!..

— Кыш, вы, горластые! — замахнулся на них Прозорин.

Птицы перелетели на закопченные трубы и пуще раскаркались.

— Не верите? — разозлился Сергей. — Так вот же вам! Прочь, черти!

Он кое-как слепил снежок и запустил в галок. Снаряд не долетел до цели, рассыпался...



~ ГЛАВА 4 ~

Пансионат «Лель» на Протве

Хозяйка «ниссана» попросила остановить у деревянного коттеджа, обильно изукрашенного резьбой. Смеркалось. В окнах коттеджа горел свет.

— Мне сюда, — сказала пассажирка.

Лавров притормозил, подал ей ключи от ее машины.

— Возьмите, вы забыли. Ну как, все обошлось? — улыбнулся он. — Вы живы и невредимы. Я реабилитирован?

— Кто вас знает?

— Вам есть к кому обратиться насчет джипа? Авто не стоит надолго оставлять на дороге.

— Это уже не ваша забота.

Она вышла, не поблагодарив, и скрылась за деревянной дверью. А Роман набрал номер Орешкина.

— Помогай после этого людям, — проворчал он, уязвленный пренебрежением молодой дамы. — Она еще и недовольна. Расстроена, что я не маньяк!..

— Привет, дружище, — раздался в трубке мужской басок. — Рад тебя слышать.

— Я прибыл, — расплылся в улыбке Лавров. — Встречай.

— Ты где? Подъезжай к центральному корпусу. Мы тебя заждались.

— Кто «мы»?

— Я и девочки-официантки, — захихикал Орешкин. — Я им расписал, какой ты умница и красавец. Они сгорают от нетерпения. Галантные кавалеры у нас на вес золота.

Роман устало зевнул. Он проголодался, ему хотелось спать. Возня с капризной и напуганной хозяйкой «ниссана» порядком утомила его. Они даже не познакомились. Всю дорогу до пансионата дамочка просидела тихо, как мышка. Вероятно, молилась, чтобы «маньяк» на нее не позарился.

— Давай, подгребай, братишка, — гостеприимно рокотал в трубке басок. — Девочки тебе столик накрыли. За мой счет.

— Чудесно, — обрадовался Лавров. — Я голодный как волк.

— Увидишь надпись «Трактир у Леля», тормози. Отведаешь наших фирменных блюд.

Через несколько минут друзья уже похлопывали друг друга по плечам, пожимали руки и обменивались комплиментами.

— А ты молоток, Рома! Качок! И модник, каких поискать. Жиру не нагулял, как я. Следишь за фигурой. Стройный, подтянутый. Девчонки, что я вам обещал? — подмигивал он молоденьким официанткам, которые глядели на гостя. — Сероглазый брюнет с голливудской улыбкой перед вами! Прошу любить и жаловать.

— Ладно тебе, — смутился Лавров.

Орешкину жизнь и работа в пансионате пошли впрок. Он отяжелел, отпустил второй подбородок, приобрел залысины. Бордовая жилетка, надетая поверх белоснежной рубашки, чуть не трещала по швам. На груди бывшего охранника болтался бейджик с надписью: «Вячеслав Андреевич, администратор».

— Ты хорошо устроился, Славик, — оценил приятель. — Как сыр в масле катаешься.

— Точно, — довольно хохотнул Орешкин. — Давно мечтал о таком месте. Чтобы еды вдоволь, свежий воз-

дух, баня под боком и девочки! Чего еще желать, а? Одна проблема. Жениться мне пора.

— Так женись.

— Как подумаю, что всю жизнь придется с одной женщиной куковать, тоска берет.

— Понимаю, — усмехнулся Лавров.

— Ну что, по первой, за встречу? — предложил Орешкин, разливая водку. — Или тебе коньячку?

— Давай медовую.

Деревянный стол, накрытый вышитой скатертью, ломился от закусок. Грибы, соленья, рыбка, буженина, заливное, маленькие румяные пирожки.

— Что-то ты невеселый... — заметил после третьей рюмки Орешкин. — Из-за работы, небось? Забей, друг. Мы тебе вмиг выгодную службу спроворим. Только скажи. Такие кадры всегда в цене.

Лавров нервно дернул подбородком.

— Хочу отдохнуть пока, а дальше видно будет.

— Правильно, — одобрил Славик и потянулся за бутылкой.

— Ты же при исполнении. Может, хватит? Или у вас это в порядке вещей?

Хотите читать дальше?

Купите книгу "Эликсир для Жанны Д`Арк"

и узнайте, чем закончилась история современной Орлеанской Девы...

Спасибо за прочтение!